

Людмила

Рублевская

СЕМЕЛА И ЮПИТЕР

Из цикла «Старосветские мифы города Б»*

Однажды Юпитер полюбил земную красавицу Семелу. По внушению ревнивой жены Юпитера Юноны Семела попросила, чтобы любимый показался во всем блеске божественной славы. Невыносимое для земных глаз зрелище убило Семелу.

(Древнегреческий миф)

Если в этом несовершенном мире все-таки встречаются такие вещи, как розы, лебеди, закат на фоне развалин старого замка города Б* и миндальный торт, должны в нем быть и счастливые люди.

Хотя розы, лебеди и миндальные торты, не говоря о закате, встречаются гораздо чаще.

В городе Б* не было более счастливого человека, чем пани Авгинья. Она жила в красивом домике с зелеными ставнями, ее отец был мудрый седой брандмейстер, а молодой муж – лучший подчиненный отца, бравый пожарный Михась Кудыка. Панна – теперь уже пани – Авгинья вязала самые красивые в мире кружева, люди ценили ее романтическую натуру и любили за кроткий нрав. А какой огород был у Авгиньи! Не банальные помидоры-бобы росли там, а переселенные из леса и выгона цветы, которые жители города Б* почитали обычными сорняками. У забора возвышался царский скипетр, светились мелкие цветочки бабьего лета и чернокорня, взбиралась на стены дома жимолость, качал свой темный огонь кипрей, подрагивало пушистое миртовое деревце и даже сидело у крыльца нездешнее растение самшит – железное дерево...

Авгинья называла мужа Мишелем и была счастлива, несмотря на то, что с детства имела очень плохое зрение. Между внешним миром и взглядом барышни колыхался радужный туман. Это придавало ее походке романтическую замедленность и неуверенность. А люди были настолько добры, что совершенно не сердились, когда Авгинья, находясь в своем тумане, натыкалась на них или путала их имена. Да и как можно было сердиться на эту особу с пышной прической, украшенной цветами, и с вечной улыбкой. Мишель приходил домой, усталый и мужественный, целовал жену в щеку и съедал ужин, приготовленный умелыми руками поварахи Параски. А юная госпожа Кудыка тем временем ублажала его слух пересказом содержания очередного романа,

прочитанного с помощью сильной линзы, и куталась в самовязаную белую шаль с кистями.

– Ох! Ах! Простите, пожалуйста! – это пани Авгинья выносила миндальный торт из кондитерской. Человек, с которым на этот раз столкнулась очаровательная пани, пах дорогим одеколоном, а на лице его сверкало пенсне. Авгинья стыдливо улыбнулась. Незнакомец внимательно посмотрел на неуклюжую туземку и вежливо взял из ее рук коробку с тортом.

– Позвольте, я немного помогу вам. Не считите за нахальство – я здесь чело-
век случайный, выкроил день заехать проконсультировать родственницу жены. Позвольте представиться – Самсон Григорьевич Ивановский, московский врач-офтальмолог. Ну, если проще – специалист по заболеваниям глаз. У меня к вам несколько профессиональных вопросов...

Весь вечер Авгинья взволнованно ходила по дому, натываясь на многочисленные вазы с сухими цветами, расставленные по углам. Белая вязаная шаль сползала с плеч... Небольшая операция, к тому же бесплатная, как интересный научный «прецедент», и Авгинья раз и навсегда избавится от своей близорукости. Она не решилась рассказать о полученном от врача предложении ни солидному брендмейстеру, ни занятому мужу... А как было бы чудесно предстать перед ними спасенной Золушкой! Растает колеблющийся туман, что не дает ей любоваться красотой мира, и тогда...

...Однажды утром белый потолок, в незнакомой сетке трещин и царапин, обрушился на Авгинью... Барышня махнула рукой перед глазами... Это – ее рука? Авгинья вскочила – голова кружилась, как от первого весеннего ветра. Будто сквозь туман, вспомнился кабинет уездной больницы, нелепое присутствие местных докторов, неприлично любопытных и восторженных, боль, страх, разочарование – и обещание перемен через двенадцать часов, когда закончится действие обезболивающих средств...

Предметы наступали на Авгинью, беспощадные в своей конкретности. Они резали пространство острыми очертаниями, отъединялись друг от друга жесткими плоскостями и диктовали расстояния. Это был мир яркий, четкий и жесткий... «И красивый... Конечно, красивый!». Авгинья бросилась к зеркалу...

Кто это? Из вычурной бронзовой рамы чудаковато смотрела на нее плохо причесанная большеротая персона, блеклая, как ночной мотылек... Прикосновение к беспощадному стеклу убедило Авгинью, что это... Нет, эти покрасневшие глаза, впалые щеки – не ее!..

Слезы на минуту вернули привычный радужный туман, в котором жила поэтическая утонченная красавица...

А вечером придет Мишель! Как мог он любить ее, такое чудовище! Долой – шаль, связанную слепой курицей, долой – шпильки и болотное платье! Сколько вокруг безвкусных вещей, которые по-дурачки расставлены!..

К стройной женщине в красивой сиреновой блузке с большим кружевным воротником, с аккуратно подведенными губами и ресницами, с украшенной цветами античной прической подходил коренастый небритый тип с красным тупым лицом (а рот широко открыт), с глазами похотливыми и почему-то испуганными... С кожей пористой, угреватой, жирной... За ним плелся такой же краснолицый старик в костюме брендмейстера (две пуговицы висели на нитках), самодовольный, с неопрятными пучками седых волос в ноздрях и ушах... Прощай, мужественный Мишель! Прощай, образ идеального отца!

Жестокую шутку сыграл ты с бедной провинциалкой, московский медицинский бог!

Авгинья скрылась в своей комнате, где так нелепо смотрелась большая двухспальная кровать... Но и здесь предметы доставали ее своей чудовищной конкретностью. На фотоснимке, который поставил Мишель на тумбочку, оказалась совсем не Авгинья, а незнакомая наглая брюнетка. В цветочном горшке – полно раздавленных окурков и, не может быть! – наплевано... А прямо на крышке подаренной лучшей подругой шкатулки, которую Авгинья раскрывала каждый день, нацарапано мелкими буквами «дура»...

Люди смеялись над «слепешарой», лавочки недодавали сдачу, отец едва спихнул неудачницу своему подчиненному, а тот, купленный за приданое и должностью, утешался у глазастых красавиц города Б*...

Авгинья спряталась в самый дальний и засоренный угол некогда волшебного сада. Что теперь? В монастырь? Просто уйти – из дома, из города, из жизни? Авгинье хотелось вырвать свои глаза, вернуться в мелководное счастье незнания... Но, испытав однажды – знаешь навсегда, на памяти царапины не затягиваются, если это – царапины от осколков счастья...

Над городом Б* заходило солнце. Природа не изменила Авгинье, так как не изменяет никогда. Дрожал прекрасный мирт, и на светло-зеленых листьях окопника отражались лучи... А если в этом мире все-таки существуют пионы, закат, лебеди, миндальные торты и женщины, которые всем прощают, то не так все безнадежно, жестоко и несправедливо...

Прозрачный, как вуаль невесты, смех растаял в листве кустов сирени... Что ж, детей, которые будут, она увидит не через радужный туман...

Никто не знает, какой силой обладают кроткие люди. Авгинья поднялась. Она научится жить и в этом мире. И по-прежнему будет одаривать всех улыбками, и не станет замечать, как снисходительно кривятся встречные. И не перевернет фотографию с наглай брюнеткой.

Закат догорал темным сиреневым огнем. Худенькая женщина с высоко зачесанными волосами тихо подошла к своему дому.

На крыльце с чем-то белым в руках переминался с ноги на ногу бравый пожарный Михась Кудыка, который смешался под незнакомым, ясным и пристальным взглядом жены.

– Ты не замерзла, гм-м, дорогая?

И протянул неумело связанную, с многочисленными спущенными петлями шаль.

Авгинья помолчала и легко коснулась теплыми кончиками пальцев щеки мужа.

– Нужно побриться, милый...

Перевод с белорусского автора.

Людмила Ивановна Рублевская родилась в 1965 году в Минске. Окончила Минский архитектурно-строительный техникум, филологический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте им. М. Горького. Поэт, прозаик, журналист, литературный критик. Автор более 20 книг поэзии и прозы. Лауреат конкурса драматургии «Купалавы далягляды», премии «Золоты апостраф» журнала «Дзеяслоў» и премии Франтишека Богушевича. Живет в Минске.

